

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

ЗАБРОШЕННЫЙ КОЛОДЕЦ

РАССКАЗ

...Верхняя часть сруба колодца сгнила и обвалилась. К уцелевшему столбику привязана верёвка — ржавой жестянкой со дна можно зачерпнуть пригоршню воды. От осклизлых, тёмных стенок тянет плесенью. Вокруг необозримое поле клевера, потерянное под бездною сини. Пряный угар лета, пение птиц — всё пропадает, когда пониже опускаешь голову в черноту колодца... Только заблудший путник останавливается здесь, чтобы смочить остатками влаги иссохшие губы...

* * *

...Он был занят своей обычной работой. Его руки механически проделывали те движения, которые привыкли повторять бесконечное число раз. Неожиданно его губы зашевелились, и он торопливо, словно боясь не успеть, зашептал, обращаясь неизвестно к кому: “Если Ты меня видишь, если Ты знаешь, что я существую — подай знак, пусть пропадёт моя тень среди теней, что толпятся вокруг...” Проговорил, будто выдохнул, и испугался: не смотрит ли кто на него? Нет, рядом никого не было...

Привычный запах металлической стружки и масла, однообразная работа изо дня в день, одни и те же лица. Здесь трудно уединиться. Выход

СОКОЛОВ Александр Иванович родом из села Александровка Воронежской области. Окончил Армавирское высшее лётное училище. Служил на Камчатке, в Белорусском военном округе, в Афганистане. Имеет боевые награды. Уволился из армии в звании подполковника, работал в гражданской авиации в Анголе, Конго, ЮАР и других странах мира. Автор книги прозы, также публиковался в белорусских литературных журналах. Живёт в Минске.

один — быстрее получить наряд у мастера. За работой никто не будет отрываться по пустякам... разве что Толик — этот не пройдёт мимо. А вот и он, словно всё время стоял рядом:

— Витёк, кончай грязное дело! — Молодой парень с перепачканным лицом оглядывал рабочий стол Ткачука, тиски с зажатым в них полотном рессоры. — Ты что, туда же?

— Куда? — поинтересовался Ткачук, не скрывая досады.

— Да тут все помешались. Ножи гонят из полотен, кто за деньги, кто за бутылку.

— Нет, я не туда, — отрезал Ткачук, выкручивая рукоятку тисков. Он положил полотно в свой ящик с инструментом, набросил на петельки висячий замок. Слесарка заканчивала работу. Возле стола мастера толпились народ. Кажется, этот молодой прилипла отставать не собирался.

— Витёк, ты идёшь?

— Куда? — снова спросил Ткачук.

— На пенёчки, под зелёный шум. У мастера день рождения.

— Нет, — коротко бросил Ткачук, и Толик, сложив недовольно губы, отвернулся. Виктор подумал, открыл ящик, снова вытащил полотно и бросил в свой портфель. Сейчас он пойдёт в умывальник, потом, не возвращаясь в цех, двинет к проходной... Он, Ткачук, устал от этих людей. Они вечно от него что-то хотят, пытаются втащить его в ту жизнь, которая их вполне устраивает. Виктор знал отупляющий дурман водки — это не для него. Именно сейчас у него стали открываться глаза...

Ткачук вышел из проходной, оглядел зелень деревьев, покрытую жёлтым налётом, зашпешил на остановку. Напротив, через дорогу — кирпичная стена тракторного завода. Его труба чадит ядовитыми клубами дыма. Если по складу тухлых яиц пропустить бульдозер — эффект будет тот же... Казалось, сернистые испарения проникали сквозь одежду, этот испорченный воздух — примета здешней местности. Но люди привыкли. Только не он, Ткачук. Ему никогда не привыкнуть. К горлу подкатывает комок, напоминая тот, другой воздух, который ни с чем не спутаешь. Приторный, липкий, тягучий... и мириады жирных, зелёных мух... Кажется, сегодня, слава Богу, ветер в другую сторону.

Виктор облежённно вздохнул, присел на лавочку. Мальчуган лет восьми, овладев рукой матери, во все глазёнки уставился на Ткачука. Его заинтересовал пятнистый комбинезон, кепка с козырьком, голубые полоски тельника.

Когда-то вот так же и он держался за руку матери... У неё были мягкие ладони, но Виктор совсем не помнит её улыбки. После похорон отца мать не снимала чёрного платья, стала молиться и часто ходить в церковь. Как-то ночью он неожиданно проснулся, позвал маму. Она стояла перед ним босая, в длинной ночной рубашке. Он ощутил её тёплую ладонь на своём лбу, ухватил за руку.

— Мам... я когда-нибудь умру, и меня совсем не будет? — громко спросил он и почувствовал, как ладонь её вздрогнула.

— Что ты, сынок, на всё воля Божья... Надо молиться Господу, Он дарует тебе долгую жизнь.

Виктор никогда не видел мать сердитой, выпешней из себя. Наверное, поэтому Бог забрал её к себе, а он остался один. Священник, что отпевал мать, отец Виталий, который стоял вместе с ним у могилки матери, сказал:

— Мы с тобой почти одинаково зовёмся... Живи у меня.

Несколько лет Ткачук прожил при церкви, но вскоре не стало и одинокого отца Виталия; словно он, Виктор, был окружён людьми, крайне необходимыми, угодными Богу... Виктор учился в школе-интернате, но и сейчас он помнит церковный полумрак, запах ладана, смешанный с гарью восковых свечей, тихий говор названного отца, размягчающий тело, наполняющий спокойствием, лёгкой пустотой и незнакомой радостью, прозрачной, как свет в ризнице:

“Над всем миром, над нами — всеблагий Господь, Его глаза наполняют небесную синь, Его любовь движет соки в траве, деревьях... По Его воле совершаются все благие дела, а все чёрные — по воле сатаны... Царь тьмы ча-

сто принимает Божье обличье, он приносит все беды на землю, но хочет слыть Богом, поэтому ридится в святые одежды, в золото риз и сеет среди людей раздор и смуту...”

В то время ему, мальчишке, казалось: эти, полные таинства, слова никакого лично к нему, Ткачуку, отношения не имеют. Это всё: и церковь с её прохладным сумраком, и одежды священников, и проникновенный голос отца Виталия — часть непонятной игры взрослых, почитающих Бога, иссушенного страданиями древнего человека, безжизненный лик которого навсегда запечатлелся в его сознании и никогда не был связан напрямую с ним, Ткачуком.

Но вот три года назад, в то жаркое лето под Кабулом, в одну из ночей в палатку, где спал Виктор, явился образ отца Виталия. Как наяву, он внимал негромкому голосу. Кажется, что теперь он всё понял, но проснулся и не мог вспомнить, о чём они говорили: он снова остался один, среди затхлого воздуха, в котором десятки потных тел ворочались на пыльных матрасах... Отчего отец Виталий, память о котором отодвинулась в самые дальние уголки, решил напомнить о себе? Может быть, Виктор сам позвал его? Последние события в Бадахшане заставили помянуть забытое имя Бога...

...Ткачук поднял голову: мальчик с мамой садились в автобус, двери за ними закрылись, малыш, устроившись на сиденье, продолжал смотреть на Виктора. Только сейчас Ткачук увидел на автобусе номер, досадливо сплюнул — прозевал свой маршрут. Такое частенько с ним случалось: он пытался собрать своё прожитое по кусочкам, составить те невидимые звенья, которые могли бы дать хоть какой-то законченный смысл, и тогда повседневность отодвигалась от него куда-то в сторону. Он заметил странности своей памяти: первый её толчок вызывал в нём откуда-то знакомый запах, у него вообще была способность различать самые неуловимые запахи. Он буквально жил среди запахов, и особую ненависть он питал к этому сернистому дыму из литейки: от него никуда не скрыться и к нему никогда не привыкнуть... Кажется, ветер повернулся: клубы желтоватого дыма из-за каменной стены потянуло на остановку. Ткачук прикрыл нос руками.

Бадахшан снова дохнул на него прожаренными камнями, пылью... Нагретое солнечное марево плыло над землёй, искажая единственную постройку из глины среди виноградника. Отсюда их обстреляли, и здесь его взвод пробирался среди окопанной виноградной лозы. Вряд ли тут кто мог уцелеть.

Взрывы вспахали, перевернули землю. На ветках лозы висели корни вместе с комьями бурой земли. Он оторвал зелёную гроздь винограда и, осматриваясь вокруг, сунул её в рот. С таким же успехом можно было жевать эти покрытые пылью листья. Виктор выплюнул вяжущую зелень, прошел ещё несколько рядов и тут увидел его... Молодой “дух” лежал в междурядье, лицом вверх. Виктор продвинулся к нему и остановился в нескольких шагах. Убитый мог быть заминирован. Видел разорванные тела, зелёные и голубые кишки... Этот — цельный. Лицо — ангельское. Большие глаза открыты, рука сжимает ободранное ложе “Калашникова”...

Этот афганец — почти мальчишка — долго не выходил из головы. Чёрные волнистые волосы, тонкие черты лица, нежная, как у девушки, кожа. В карманах — только пучок сухой пахучей травы. Виктор взял эту траву, сложил в маленький мешочек и повесил на шею.словно амулет. Когда им выпало на вертолёте перевозить трупы наших солдат, пролежавшие двое суток на жаре, в кабине вертолёта он прижимал этот мешочек к носу, но сладковатый, тягучий запах мёртвых тел, казалось, проникал даже сквозь поры... Три дня Виктор ничего не ел, он отыскивал на груди мешочек, ловил ноздрями тонкий аромат. Такой запах, смешанный с дымом курящихся благовоний, стоял в одном из дуканов Кабула.

И всё же кто тот молодой афганец, с лицом, как на иконе? Бандит или падший ангел? У них свой бог, и они умирают с его именем на устах. Мы же забыли Христа... Где Он? Спокойно наблюдает, как сатана собирает свою жатву?... У кого спросить, кто ответит? Поднимут на смех...

Всё разрешилось само собой. Взрыв мины, контузия — очнулся в госпитале... Судьба или Бог? Война для него окончена, конечности — целы. Он

возомнил, что нужен ещё кому-то в этом мире, иначе — почему так легко отделился?

Прошло несколько лет, и Виктор понял — здесь, в мирной жизни он — как ненужная деталь некогда большой и сложной машины, которая теперь заброшена на свалку. Удивлялся себе: почему раньше не замечал в людях то, что они даже и не пытались скрывать? Все они давно покрылись ороговевшей скорлупой: сидят, жуют, время от времени высовываются, чтобы ухватить то, что подвернулось...

Впрочем, те, кто половчей, делают это с приличным, добропорядочным видом. Его друзья по Афгану тоже устраивались в этой жизни, как могли. Что ж, он несколько не осуждает их. Они заслужили жизнь лучшую, чем все остальные, не нохавшие пороха. Только у него — свой путь, своё откровение, быть может, ниспосланное свыше...

...Первый раз Ткачук услышал этого человека месяц назад. Виктор как-то затащил своего напарника, Лёшку, в большую брезентовую палатку на окраине города, с православным крестом перед входом. Проповедник говорил негромко, густым, глуховатым басом, поражающим своей внутренней мощью. На чёрной одежде массивный крест, редкая растительность на голове, борода, прикрывающая шею. Его голос заполнял всё пространство палатки, жил отдельным инструментом, исторгающим звуки, способные приводить в трепет слабые огоньки зажжённых перед образами свечей...

— Ваши бедствия — ваши блуждающие в потёмках души, — говорил незнакомый проповедник. — Но разве это удивительно? Повернитесь назад: за вами — тысячелетие лжехриста, меняющего свой лик и естество своё. Мог ли князь тьмы стать первоапостольным князем, крестившим Русь? Мог ли воитель братских княжеств, братоубийца и предатель князь Владимир осенить себя и свой народ христианством? Первое, что узаконил Владимир на Руси, — верующему простится любой грех. Возможно ли, чтобы Господь в угоду Себе сбрасывал символы иной веры в реку? Христос на Великой Руси был представлен божеством в золотых одеждах, народ ослеплён верой в Бога-царя — карающего или милующего, христианин стал распознаваться по количеству даров Господу, но не по делам и помыслам. Лицо мирской власти — сатанинское, вот почему храм Божий, храм церковный стал её прибежищем, а потом — и орудием. Посмотрите друг на друга, и вы убедитесь: Христос до сих пор бродит среди нас каликой, юродивым, нищим, он стучится в наши сердца, но они все ещё глухи...

Разве не понимаете вы, что конец света давно наступил, что сатанинское жало проникло в сердца чиновников, правящих в государстве? Разве Господь в силах разбудить умершие души? Он в состоянии только забрать к Себе живые, чтобы восполнить число небожителей..."

Виктор был потрясён. Он смотрел на Лёшку и не видел его... А тот только пожал плечами: "Я понимаю, поставить свечки за погибших в Афгане ребят — святое дело. Но вот это всё — полный бред!"

Виктор молча сложил лист с отпечатанной проповедью и спрятал его во внутренний карман пиджака.

* * *

...Ткачук не пошёл домой, а направился сразу в сарай. Он оборудовал себе небольшую мастерскую, собрал всякого инструмента, на деревянном столе пристроил большие тиски. Здесь пахло древесной стружкой и клеем; в прогнившем деревянном полу сновали мыши. Виктор любил забываться за работой, любил смотреть, как под руками появляется задуманное, как из бесформенного куска дерева или железа появляется нужный предмет. Он включил лампу, осмотрел камень на точилье, достал из портфеля металлическое полотно. В конце концов, шлифовальный круг можно принести и сюда...

Ткачук работал и думал о своём хозяине, старике с большими ногами: "Надо зайти в магазин, купить ему молока, хлеба..."

Дед Фрол уже полгода не вставал с постели. До Виктора у него жил студент, которому надоело смотреть за стариком. Соседи Фрола по коммуналке написали заявление в собес, чтобы деда определили в дом для престарелых. В этом случае комната и маленькая каморка доставались бы им. Дед же считал, что лучше умереть, чем уйти из своей комнатухи. Но ведь кому-то надо было выносить горшок, стоящий под стулом с дыркой, и готовить ему поесть... Фрол призывал к себе “смертыньку”, но безрезультатно. Ревматизм поразил только его колени, старость наделила забывчивостью, а в остальном дед был жизнелюбив, с хитрецей и частенько призывал “косую”, чтоб возбудить к себе сострадание. Пенсию ему приносил почтальон, и дед, путаясь в новых деньгах, рассовывал разноцветные бумажки в самые неожиданные места. Один раз Виктор обнаружил ассигнации, торчащие из дыры в его старом матрасе. “Фрол, — сказал он деду, — не рассовывай деньги по щелям, как сорока. Давай я буду складывать их в шкаф”.

Так и договорились.

Продукты Виктор покупал на свои деньги, а пенсию деда откладывали на похороны. Квартирант оказался для Фрола находкой. Когда в коридоре появлялся Виктор, обтянутый тельняшкой, замолкали оживлённые разговоры на кухне. Ткачук не сказал за всё время соседям ни слова, но те, завидев его, разбежались по комнатам, словно тараканы.

“При деньгах и связях”, — говорил о соседском семействе Фрол, но Виктор, кажется, даже не помнил никого из них в лицо, включая отца, двоих сыновей и горластую, неряшливую женщину. Когда он развешивал в коридоре стиранные подштанники деда, соседи не показывали носа. А на кухне он бывал редко, в основном только утром.

Вскоре Фрол стал уговаривать Виктора, чтобы тот прописался у него: видимо, боялся, что он сбежит, как студент.

Виктор пошёл в отдел социального обеспечения забрать документы, каким-то чудесным образом оформленные для дома престарелых без согласия Фрола. Ткачуку не отдали их: не родственник и даже не опекун. В домоуправлении тоже находились тысячи причин, чтобы не прописывать его. Раньше Виктор думал, что эти две организации никак не могут быть связаны между собой. Теперь он понял, что ошибался. Комнату деда давно держали как “перспективную”. Дело собеса — пристроить Фрола, дело домоуправления придержать “площадь” кому надо. Кому же надо? Тому, кто при деньгах, за так сейчас ничего не делается... Помыкавшись, Ткачук всё-таки оформил опеку и явился в собес забирать бумаги на деда.

Очереди, как ни странно, не было, и он прошёл прямо в кабинет, где стояли два стола. Он подошёл к девушке, и та указала на мужчину, разговаривающего с посетителем: “К Евгению Петровичу”. Виктор, не дожидаясь приглашения, присел на стулья, рядом выстроенные у стены. У мужчины — довольное, симпатичное, улыбочивое лицо. Он продолжал свой разговор:

— А где вы, собственно, работаете? — обращался он к посетителю.

— Отдел снабжения треста “Стройматериалы”, — отвечал тот.

— У вас большие возможности... Сейчас трудные времена...

— Нет вопросов! — перебил посетитель. — Что надо — организуем. Если мы сами себе не поможем, кто нам поможет? Пишите телефон.

Совершенно незаметным жестом посетитель извлек красивую упаковку и так же ловко оставил её на столе. Евгений Петрович, кажется, ничего не заметил. Он проводил посетителя до двери, вернулся за свой стол, и перед Виктором уже сидел совершенно другой человек.

— Вы ко мне? — спросил Евгений Петрович тусклым голосом и стал рассеянно перекладывать на столе бумаги.

Если бы хоть какая-то тень догадки коснулась его, если бы он посмотрел на Виктора, почувствовал, кто сидит перед ним, — как всполошился бы этот человек! Как всколыхнулась бы эта оболочка, в которой пребывает сатана, спокойный и уверенный в своей безнаказанности!

— Я к вам, — глухо ответил Виктор и присел к столу. Он втянул носом тонкий запах жасмина, исходивший от гладких щек Евгения Петровича. — Я пришёл забрать бумаги деда Фрола — он не поедет в дом престарелых.

Виктор выложил на стол свидетельство об опекустве.

— Да-да-да-да... А, собственно, кем вы ему приходитесь?
— Никем.
— Значит, решили получить комнату старика?
— Нет, не решил.
— Вы, кажется, были в Афганистане и могли бы получить жильё по льготам?
— Я что, пришёл у вас просить жильё?
— Вот вы все такие, афганцы... Разве я...
— Нет, не вы. Вы — нет... Давайте бумаги и оставьте старика в покое.
Девушка, вы могли бы выйти?

Девушка не успела встать, как на столе оказалась папка с фамилией Фрола. Лицо Евгения Петровича побледнело... Вот оно, внутреннее, скрытое! Может быть, всё-таки почувствовал, кто перед ним?!

* * *

Виктора мучила бессонница. Он забывался только к утру, когда уже нужно было идти на работу. Сны были похожи на бред после контузии — всё тело покрывалось липкой испариной; и, просыпаясь, он думал о том, что снова придет к этому мосту и будет дышать невыносимым воздухом... Каждый раз он говорил себе: всё, больше не поеду!

Странный сон приснился ему сегодня: бескрайнее поле и он возле старого, заброшенного колодца... Верхняя часть сруба сгнила и обвалилась. К уцелевшему столбику привязана верёвка с жестянкой для воды...

К этому колодцу, хотя и был он далеко, мальчишки бегали из деревни, чтобы покричать в бездонную черноту сруба, достать со дна холодной воды с привкусом плесени. Он смотрел в тёмную пустоту колодца, ему было страшновато, жутко представлять себя на дне, но безотчётно влекло заглядывать туда снова, снова хотелось испытать эту сосущую пустоту под ложечкой... Сон не выходил из головы: чёрные, покрытые слизью стены сруба не дают ему выбраться; он цепляется ногтями за гнилое дерево, но оно поддаётся, крошится. И он снова проваливается на дно, где темно и сырой холод пронизывает до костей... Вдруг появляется лицо старца, глубокие глаза смотрят проникновенно, ему сразу становится тепло, и он сразу понял: это Христос! Старец протянул к нему руки, и в руках его сверкнул отточенный меч...

— Иди, Виктор! Только ты можешь узреть сатану. Нет служителей Бога, антихрист правит на земле... — произнёс он то что Виктор давно уже ждал, произнёс — и исчез. Но кто это? Вместо старца — знакомое лицо, в рясе, и с крестом на шее... Знакомая улыбка — это же Евгений Петрович! Что же он рядится в рясу? Он же готов ради пузырька с французским одеколоном отобрать у старого Фрола последнее прибежище в его жизни... Надо сорвать с него рясу! Надо, чтобы все увидели, что скрывается под ней...

* * *

...В один из дней осени, когда стояла отвратительная погода, Виктор не поехал на завод. Он позвонил мастеру, сказал, что заболел и что на следующей неделе берёт расчёт. Те деньги, что он зарабатывал на заводе, можно было иметь за неделю в мебельном магазине. Как-то зашёл Лёшка, его давний друг, посмотрел на его руки, сказал:

— С такими лапищами тебе у нас цены не будет! — и это решило дело.

Всю зиму он возил мебель, тяжёлая физическая работа отвлекала его от назойливых мыслей. Но спал по-прежнему плохо. Во сне он испытывал странные превращения; это был другой мир, где всё подвластно символам, наполненным значением.

Чаще всего приходил старик с пронзительным взглядом. Этот старик приносил ему успокоение. Но его взгляд, его жесты, его слова — имели какой-то пока неясный для него смысл. Старец призывал Виктора к действию, к осуществлению справедливого возмездия, и Виктор мучился, пытаясь разгадать эти лукавые слова, но которые, как он был уверен, ему посылались

свыше. И почти в каждом сне — Евгений Петрович. Его приятная улыбка. И даже запах жасмина. Но стоило Виктору ухватить его за одежды, как под ними оказывалось одно и то же — труха и гниль...

Виктору не составило труда узнать, где жил Евгений Петрович. И он стал ездить к нему, в новый микрорайон. Он не жалел своего свободного времени. Даже в плохую погоду сидел на лавочке, накинув капшон на голову, и смотрел на окна на третьем этаже... Иногда Евгений Петрович выгуливал свою собаку, маленького шпица. Несколько раз он прошёл мимо Виктора, покуривая дорогую сигарету, но даже не взглянул на него.

Виктор видел Евгения Петровича вместе с женой; видел, как в его “жигуль” однажды садилась молодая девушка. Кто она ему? Виктор старался всегда быть подальше от женщин, справедливо считая, что женщины не доведут до добра.

В тёплый день марта Виктор засиделся на лавочке допоздна. За день солнце разогрело землю, и от неё исходил влажный, дурманящий запах. Прохладный воздух напознал от леса, и тёплые испарения превращались в туман. В лесопарке вокруг было безлюдно, лавочки пусты... Виктор уже встал, чтобы идти домой, и вдруг увидел Евгения Петровича: он отстёгивал поводок у собаки. Шпиц бросился к кустарнику, а Евгений Петрович закурил сигарету.

Клубы дыма поднимались, на глазах превращаясь в молочную густую пелену. Сейчас, кроме горящей сигареты — оранжевого светляка в белом — ничего не было видно.

У Виктора засосало под ложечкой, внутри появилась пустота, словно он снова, как в детстве, смотрел в пугающую бездну колодца... Виктор совсем неслышно сделал несколько разделявших их шагов и оказался за спиной Евгения Петровича. Правая рука легла на рот и подбородок, левая вцепилась в волосы: резкий рывок, и Виктор услышал слабый хруст шейных позвонков... Тело в его руках мгновенно обмякло и стало проваливаться вниз, слабый аромат жасмина и дорогих сигарет растворился в клубах пара. Прибежал шпиц, весело помахивая хвостом, он скакал вокруг хозяина, обнюхивал его, скулил: шпиц полагал, что это игра, что хозяин просто притворяется...

Виктор приехал домой поздно. Фрол с отвалившейся челюстью спал, освещённый экраном телевизора, где кривлялись и скакали существа, похожие на бесов. Услышав шаги, старик оторвал голову от подушки, и его голос то-ненько задрезжал:

— За молодухами, поди, ухлёстываешь? — и тут же застонал: — О-ох-х!.. Голова моя... налил бы мне рюмочку, а?..

В его голосе слышалась безнадежность, он знал, что ничего не получит. Виктор появился с рюмкой и куском яблока.

— Вышей, Фрол... За упокой раба... Сатанинского...

Оставив деда, он открыл ящик стола и достал оттуда маленький мешочек с травой; прильнул к нему лицом, потом прошёл к кровати и упал, не раздеваясь. В эту ночь он спал как убитый, словно исполнил трудный, но необходимый долг.

* * *

Свой портфель Виктор собирал в сарае. Но прежде он достал клинок и ещё раз осмотрел его. В тусклом свете блеснуло отполированное лезвие. Ручка широкая, удобная. Делал под свою руку. Рядом с рукояткой выбил керном три шестёрки — знак сатаны. Он положил нож на дно истрёпанного портфеля, тщательно прикрыл куском чёрной кожи. Остальные мелочи и еду положит дома. Ехать тут недалеко, какой-то час на автобусе.

Виктор повторял два слова, вслушиваясь в своеобразие названия монашеского скита. Недавно Оптину пустынь показывали по телевизору, но недолго. Он не успел рассмотреть всё как следует. Впрочем, Виктор всё увидит на месте, он разберётся и поймёт, кому служат эти святоши — Богу или сатане...

Он вышел из сарая, вдохнул весенний воздух. Апрель в этом году выдался необычайно тёплым... Ближился Великий праздник всех верующих — Воскресенье Христово...